

Светлана Алешина

Темная связь

*Часть сборника
Темная связь (сборник)*

Папарацци

Светлана Алешина

Темная связь

«Научная книга»

2005

Алешина С.

Темная связь / С. Алешина — «Научная книга»,
2005 — (Папарацци)

«...Это была длинная мелодия, поэтому еще несколько минут в гостиной царил темень. Один раз кто-то, сопя, прошел совсем близко от меня, но так как я сидела на полу, меня не нашел. Наконец музыка кончилась, и вскоре в комнате загорелся свет. То, что мы увидели, напоминало скорее кадр из фильма ужасов, чем праздничную реальность. На полу, почти посередине комнаты, лицом вниз лежала Галина. Ее черные волосы веером разметались по ковру, руки вдоль тела, одна из них неестественно вывернута. На красной шерсти жакета расплывалось пятно темно-алого цвета – цвета крови. В центре этого кровавого пятна торчала рукоятка ножа. Того самого ножа, которым Слава-повар резал гуся. Никто не издал ни звука, я видела, как Авдеева поднесла ладонь ко рту, словно загоняя назад крик, готовый вырваться из ее груди. В этот момент дверь в гостиную распахнулась, и Антон бодрым голосом произнес:– Шампанское заказывали?...»

© Алешина С., 2005

© Научная книга, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Светлана Алешина

Темная связь

Глава 1

Снег выпал пятого. Мокрый и густой, он целую ночь и все утро засыпал неожиданно притихший город. Но все его старания пошли прахом, если не считать легких пышных покрывал на клумбах и в парках: он быстро таял под ногами прохожих и под колесами авто. Мириады снежинок разбивали свой прихотливый пушистый узор о черную безликую гладь городских тротуаров. С первым снегом в моем сердце всегда воцаряется какая-то смутная тоска. Это словно вежа – осень позади. Это напоминание о непреложном ходе времени, не знающем сострадания и жалости.

Но тоска причудливым образом соседствует во мне с необъяснимым детским восторгом. Ведь первый снег – это всегда начало чего-то светлого и радостного, это всегда какой-то задел, исток новой зимы, влекущей за собой череду праздников, обещание тайны и откровения, смешанных ароматов непередаваемо сладостной смолистой свежей хвои и расплавленного воска горящих свечей. Зима для меня – это некий ренессанс детства, шумные игры с румянцем во всю щеку и затаенный трепет ожидания чуда...

Я притормозила у очередного светофора и посмотрела направо. Рядом со мной остановился изумрудный «Ауди». Сидящий за рулем молодой мужчина скосил глаза в мою сторону. Это был шатен с модной стрижкой, приятным матовым лицом и жесткими серыми глазами. Его не совсем правильный, но мужественный профиль четко вырисовывался в окне. На миг наши глаза встретились, но я быстро отвела взгляд и приковала его к светофору, на котором уже зажегся желтый. Мы стартанули одинаково энергично, если не сказать резко. Потом мне пришлось пропустить темно-зеленый «Ауди» вперед. Он ловко маневрировал в потоке авто, и вскоре я потеряла из вида его слегка запорошенный снегом багажник и заднее стекло, на котором смутно мерцали тонкие влажные полосы.

Через десять минут я остановила машину у редакции. К моему удивлению, зеленый «Ауди» стоял чуть поодаль. Впрочем, я не придавала этому особого значения, выключила двигатель и вышла из машины. Снег тут же покрыл мое короткое норковое пальто тонкой белой паутиной. Я затянула пояс, подняла воротник и поспешила войти в помещение.

В редакции царила рабочая атмосфера. В коридоре мне попался навстречу наш фотограф Валя. Мировой парень, скажу я вам. Эрудит, имеющий за плечами музыкальное образование и педагогическую практику, вынудившую его сменить амплу и заняться более прибыльным делом. Одет Валя был в неизменный темно-синий свитер и потертые джинсы. Выглядел то бодрым и жизнерадостным, то рассеянным и отрешенным. Мне он напоминал какого-то полярного исследователя или погруженного в другие эпохи археолога. К своему ремеслу фотографа Валя относился со всей серьезностью и ответственностью, на которые был способен. Романтическая закуска импровизатора и творческое горение, острый глаз и музыкальная виртуозность пальцев сделали его профессионалом с большой буквы. Фотографию он безоговорочно считал искусством и стремился достичь в ней совершенства.

– Привет, – улыбнулась я ему, – фото с ярмарки готовы?

– А как же! – Широкая улыбка озарила Валькино лицо. – Принесу сейчас.

– Отлично.

Я вошла в секретарскую. Маринка суежилась у электрочайника.

– Привет, – поздоровалась я, – Сергей Иванович у себя?

– Уже полчаса как пришел. Кофе?

– Не откажусь. – Я вошла в кабинет, бросила на кресло портфель, сняла пальто и подошла к висевшему на стене овальному зеркалу.

Маринка вошла следом. Она поставила на мой рабочий стол чашечку с дымящимся кофе.

– Печенье, бутерброд? – любезно поинтересовалась она.

– Ни того, ни другого, – шутливо отмахнулась я.

– Диета, что ли? – с недоумением посмотрела на меня Маринка. – По-моему, твоей фигуре ничего не грозит.

– Спасибо, конечно, только я так не считаю. – Я припудрила нос и подбородок и поправила прическу. – Да не смотри ты на меня так, на диету я не села, просто уже позавтракала.

– Классный у тебя костюм, – окинула меня Марина восхищенным взглядом.

– «Шульман», – небрежно сказала я, – практично и со вкусом.

– Надо зайти на днях, что-нибудь подобрать, – Марина тоже подошла к зеркалу.

Я села за стол и стала разбирать бумаги.

– Так, – отложила я счета за рекламу, – это Сергею Ивановичу, это – Стасику...

Маринка крутилась перед зеркалом.

– Я возьму? – кивнула она в сторону отложенных бумаг.

– Я сама захвачу. – Я сделала последний глоток кофе и поспешила в кабинет своего зама.

Мой заместитель, таких еще поискать! Деловой, энергичный, сообразительный, опытный, вежливый и корректный. Настоящий профессионал и к тому же палочка-выручалочка. Море полезной информации, обилие связей и нужных знакомств. Проницателен и доброжелателен, умен и тактичен. Не без недостатков, конечно. Но я легко мирюсь с ними. Это даже не недостатки, а скорее гипертрофированные, доведенные до абсурда добродетели. Скрупулезность и моральная щепетильность при этом перерастают в стариковское занудство, ригоризм, сознание своего старшинства и ответственность – в привычку читать нотации и проповеди. Прибавьте сюда тщеславие, лукавство, мудрую смекалку и некоторое вольнодумство, и вы получите портрет Кряжимского Сергея Ивановича.

– Доброе утро, – широко улыбаясь, я переступила порог его кабинета.

– Привет, Оленька, – он доброжелательно взглянул на меня из-за стекол своих очков.

У Кряжимского сидел посетитель, который и не подумал оглянуться, когда я вошла. Воротник черного пальто был поднят, несмотря на то, что кабинет Кряжимского был неуязвим для ветра и снега.

– Вот счета за рекламу. – Я приблизилась к столу Кряжимского и положила перед ним пачку бумаг. – Я вас хотела спросить, что у нас по «Чайной розе»? Они будут давать рекламу?

– А вот как раз представитель фирмы, – оживленно зажегистукировал Кряжимский, – Валерий Владиславович Кирсанов. А это моя начальница, главный редактор нашего еженедельника Бойкова Ольга, – представил он меня.

Я поглядела на сидевшего рядом господина Кирсанова и... узнала в нем водителя обогнавшего меня темно-зеленого «Ауди». Он поднял глаза, но его замкнуто-непроницаемое лицо не выразило ни малейшего удивления или интереса.

«Мумия или восковая фигура», – прокомментировала я про себя.

– Добрый день, – холодно сказал он, даже не потрудившись встать.

– Здравствуйте, – вяло отозвалась я.

Внешность и манеры этого чопорного представителя парфюмерно-косметической фирмы «Чайная роза» меня прямо-таки замораживали.

– Я тут обрисовал Валерию картину, – дипломатично начал Кряжимский, – он недоволен нашими ценами...

– Вот как? – Я села в соседнее кресло и принялась бесперемонно разглядывать посетителя. – Ну что ж, – задумчиво сказала я, – пускай тогда Валерий Владиславович найдет для «Чайной розы» более приемлемый вариант.

Моя реплика прозвучала довольно жестко, и я уже ждала нотаций от Кряжимского, который, едва мы останемся одни, примется по-отечески занудно и терпеливо разжевывать мне азы коммерческой и гражданской дипломатии.

– Вы не очень-то любезны, – неодобрительно покосился на меня Кирсанов, – слишком молоды, – снисходительно добавил он и насмешливо посмотрел на меня.

В уголках его хорошо очерченного рта подобно оставленному в тепле молоку закисло двусмысленная улыбочка. От меня не укрылось, с каким пренебрежительно-игривым выражением его взгляд скользнул по мне.

– Вы тоже не очень покладисты, – решила поставить я его на место, – ваша руководительница не жалуется журналистов, отказывается от интервью, вы не согласны платить за рекламу столько, сколько положено... Я могла бы вам сказать, что цены у нас щадящие, что качество рекламы, сроки ее помещения и общий тираж газеты, обеспечивающий большую аудиторию читающих, позволят вашей фирме успешно завоевывать рынок и так далее. Но это в случае, если бы вы проявили желание участвовать в диалоге...

Я стремилась сохранять ровную интонацию, но чувствовала, что в мой голос закралась какая-то обида.

– Так с чего вы взяли, что я не намерен вступить в переговоры? – с вызовом посмотрел на меня Кирсанов.

Сказать по правде, мне приятней было бы общаться с неким нейтральным господином, в меру вежливым и благожелательным, не строящим из себя эдакого крутого бизнесмена, как этот важный господин в элегантном черном пальто и гонором сверхчеловека. Я за здоровую официальность, за спокойную деловитость с учетом интересов обеих сторон.

– Достаточно на вас взглянуть, – сорвалось у меня с губ.

Я тысячу раз пожалела об этой своей скоропалительности, усматривая в ней наследие полудеревенского прошлого.

«Воспитывай же себя в конце концов», – скомандовала я себе, с досадой закусив нижнюю губу.

– А что, у меня внешность монстра? – возмутился Кирсанов.

– Оленька, – вмешался Кряжимский, – мы с Валерой не первый год знаем друг друга, позволь, я сам улажу этот вопрос с оплатой?

Он умоляюще, точно бедная нянька на избалованного ребенка, посмотрел на меня.

– О'кей, – ответила я и, обдав Кирсанова ледяным взглядом, направилась к двери, – Сергей Иванович, когда освободитесь, зайдите, пожалуйста, ко мне.

– Обязательно, – поспешил заверить меня Кряжимский.

Усевшись за свой стол, я принялась корить и упрекать себя. Моя резкость, которую я так часто принимала за принципиальность и феминистскую жесткость, как и доставшееся мне по наследству от моей матушки упрямство, сослужили мне дурную службу. Что было виной моей несдержанности? Ведь мне удавалось держать себя в руках и при более мощном раздражителе и даже актерствовать. Настроение у меня было неплохое, на работе все в порядке. Я понять не могла, что за муха меня укусила.

Минут через десять ко мне в кабинет пожаловал Кряжимский.

– Вот ведь незадача, – с сожалением произнес он, садясь напротив меня, – уговаривал, уговаривал, а, кажется, все впустую.

– Что вы так сокрушаетесь, – укоризненно посмотрела я на своего зама, – не хочет, не надо. Что мы, разоримся?

– Да не разоримся, конечно. Просто хотелось все по-дружески решить, – промямлил Кряжимский, – а между прочим, Валера, уходя, просил тебе передать, что он очень сожалеет, что все так вышло.

– Я сама сожалею, – сказала я чистую правду, – а кто он в этой фирме?

– Коммерческий директор, дельный парень. Если б, говорит, все от меня зависело... – Кряжимский как-то виновато посмотрел из-под очков.

– Да уж, такую мегеру, как их начальница, трудно найти. Властная, привыкла обо всех ноги вытирать. Не знаю, как она с французами поладила и что они здесь делают? – пренебрежительно сказала я.

– Как это – что делают? – беспокойно заморгал Кряжимский. – Если с этой Авдеевой связались, значит, интерес имеют. А тебе, кстати, косметика «Чайной розы» нравится?

– Сергей Иванович, – решила я поддеть немного своего зама, – у «Чайной розы», между прочим, и мужская линия есть. Купите что-нибудь, испробуйте на себе.

Я хитро улыбнулась.

– Стар я уже косметикой баловаться, – скромно заметил Кряжимский, – а вот ты...

– Да хватит вам стариком прикидываться. Помните, как Мэрилин на вас запала? – напонила я ему об одной нашей знакомой.

Полгода назад я расследовала обстоятельства смерти ее мужа. Дамочка была не просто экзальтированной, но с явными признаками шизофрении и истерии.

– Да у нее не все дома, у этой Мэрилин, – засмеялся Сергей Иванович.

– Не одна она вас окрутить хотела. – Я лукаво посмотрела на Кряжимского. – Последуйте моему совету, купите, к примеру, крем для бритья или после бритья, вы же бреетесь?

Кряжимский охватил рукой подбородок.

– Конечно, бреюсь, – рассеянно сказал он.

– Что вы новшества чураетесь? Помните, я вам рекомендовала «Галлину Бланку»? Замечательная вещь. А для закоренелых холостяков и одиноких мужчин это вообще находка.

– За «Галлину Бланку» тебе, конечно, спасибо, – меланхолично улыбнулся Кряжимский, – а вот насчет продукции «Чайной розы»...

– А что, правда говорят, что эта Авдеева у Земляного из «Тарасовских известий» камеру выхватила и об стол шваркнула? – любопытствовала я.

– Правда. Чокнутая, – покачал головой Кряжимский.

– Чокнутая не чокнутая, а посмотрите, как поднялась – с французами совместное предприятие организовала, да не с кем-нибудь, а с фирмой «Арно».

– Тебе лучше знать... – уклончиво сказал Кряжимский.

– Косметикой «Арно» я пользовалась и осталась довольна. А все-таки, – задумалась я, – вот бы у этой мегеры интервью взять! Представляете заголовок: «Госпожа Авдеева – для газеты «Свидетель»? Или «Госпожа Авдеева исповедует...»?

– Или, – подхватил Кряжимский, – «Госпожа Авдеева – только «Свидетелю!» и ниже – «Исповедь: какой я была, какой стала...»

– А что, Сергей Иванович, тщеславный народ журналисты?

– А куда же без него, Оленька, без тщеславия, без честолюбия и жажды сенсации? – мудро заметил Кряжимский.

– Так что же, Авдеева ведет замкнутый образ жизни? – спросила я.

– Ну-у, мне-то откуда знать? Дама она важная, гордая...

– Неужели с вами ваш приятель не откровенничал? – настаивала я.

– Она предпочитает вращаться в избранном обществе, несколько человек... Знает себе цену. Праздников и вечеринок не гнушается, но опять же в узком кругу. Вот, например, Валерка сказал, что завтра у нее в доме состоится вечеринка.

– Седьмое ноября отмечать будут? – насмешливо спросила я.

– Ну, это просто повод, – почесал в затылке Кряжимский, – Валерка приглашен, но, как он сказал, не знает, радоваться или грустить по этому случаю...

– Что так? – с недоумением спросила я.

– Авдеева, видишь ли, очень тяжелый человек. Валерий старается контакты с ней свести до минимума...

– И как же ему это удастся, ведь он работает непосредственно с ней? – Я вопросительно взглянула на своего зама.

– Я же сказал: старается, – с оттенком недовольства в голосе произнес Кряжимский.

– А как бы эта дамочка отнеслась к появлению на ее вечеринке незнакомого человека, которого бы прихватил с собой один из приглашенных? – Я почувствовала, как в крови закипает веселый азарт.

– Черт его знает, – пожал плечами Кряжимский и вдруг с беспокойством посмотрел на меня. – Ты что это затеяла?

– Да не волнуйтесь вы, Сергей Иванович, это не смертельно, – пошутила я, – просто я подумала, а что, если воспользоваться вашим знакомым, чтобы попасть на эту вечеринку?

Услышав такое, Кряжимский открыл рот от удивления.

– Да я не знаю, удобно ли... – растерянно промямлил он, не отрывая от меня глаз.

Моя задумка, конечно, озадачила щепетильного и деликатного сверх меры Кряжимского. Но идея мне понравилась, во-первых, своей спонтанной оригинальностью, а во-вторых, своим задорным авантюризмом.

– Но ведь он же... – опять замялся Кряжимский, почесывая большим и указательным пальцами свой идеально выбритый подбородок.

– Вас смущает наша взаимная неприязнь? Спешу вас успокоить, таковой просто не существует. Сама не знаю, что на меня нашло... – беззаботным тоном произнесла я.

– Валерий тоже не подарок, – по-отечески миролюбиво начал Кряжимский, – сама понимаешь, руководство таким предприятием... Ведь оно практически на нем одном и держится... Молодой, а нервная система расшатана донельзя...

– И не говорите, – стала я подыгрывать рассудительному Кряжимскому, – кому, как не мне, это знать? А ваш знакомый случайно не любовник этой уважаемой миссис?

– А почему ты спрашиваешь? – с недоумением посмотрел на меня Сергей Иванович.

– Думаю, уместно ли будет появиться на вечеринке у Авдеевой в обществе вашего симпатичного знакомого... – Я загадочно посмотрела на своего зама.

Мое неотступное решение побывать на празднестве и таинственный вид встревожили Кряжимского не на шутку.

– Ну зачем нам все это, Оля? Только для того, чтобы в случае удачи мы оповестили весь город о том, что Авдеева предпочла «Свидетель» всем другим тарасовским газетам?

Раздосадованный моей суетностью, Кряжимский сокрушенно покачал головой.

– Сергей Иванович, – шутливо погрозила я ему пальчиком, – вспомните, что вы только что говорили о присущем журналистам тщеславию? Ну, есть такой грешок, не скрою. Я бы даже сказала, не тщеславие, а нормальная конкуренция. Почему бы не блеснуть? Подумайте сами, ведь это дополнительное число читателей. Люди подумают: уж если такая фифа, как Авдеева, дает интервью «Свидетелю», значит, стоящие ребята работают в этой газете.

– Все это хорошо, – продолжал упираться Кряжимский, – но как сам Валерий прореагирует на твоё предложение? Очень сомнительно, что он, зная о крутом нраве своей хозяйки и учитывая ее неприязнь к прессе, захочет рискнуть своей репутацией в фирме, да что уж говорить – своей работой.

Я призадумалась.

– А если с ним договориться, что я не буду представляться как журналист и, только наладив хороший контакт с Авдеевой, раскрою свои карты? – настаивала я.

– Ну и упрямая же ты, Бойкова, – со смесью досады и уважения посмотрел на меня Кряжимский, – ты что же это, вынешь из сумки свой «Никон» и станешь ее фотографировать, задавать ей вопросы? Да она просто вышвырнет тебя, и все!

В глазах Кряжимского опять появилось тревожное выражение.

– А если у меня будет в сумке диктофон и я вызову ее на разговор, на доверительную беседу?

– Так все равно мы не сможем опубликовать это интервью без ее согласия... Оставь эту затею, Оля.

В голосе Кряжимского начала сквозить занудно-отеческая, нетерпимая для меня интонация мудрого, но чересчур осторожного наставника.

– Ну, это мы еще посмотрим. Так Валерий не...

– Нет, насколько мне известно, у него с мадам Авдеевой исключительно деловые отношения. Он очень способный менеджер, хорошо знает маркетинг, умеет налаживать контакты...

– Что-то не заметила, – язвительно сказала я.

– Ну-у, – воскликнул Кряжимский, – вы оба молодые, ершистые, и потом, знаешь, – он лукаво сощурил глаза, – мне кажется, ты ему понравилась. Просто он не хотел показывать этого. Подростковый комплекс, – изрек напоследок просиявший оттого, что нашел такое удачное, такое научное определение, Сергей Иванович.

– Тем лучше, – не отступала я, – я предложу составить ему компанию на эту вечеринку, а за это...

– Но одного мужского интереса мало, чтобы он решился пойти тебе навстречу, на карту поставлено слишком много, – сказал Кряжимский.

– Да дайте мне договорить, Сергей Иванович, – почти возмущенно воскликнула я, – мы предложим ему не оплачивать рекламу... В награду, так сказать.

– Ну, Бойкова, ты даешь! – вытаращил на меня глаза Кряжимский, – что это за манипуляция?

– Владелица газеты – я? – с веселым вызовом спросила я.

– Ты, – настороженно произнес Сергей Иванович.

– Значит, сама могу решить этот вопрос, – жестким тоном сказала я.

Ну вот, сейчас начнется...

Что? – спросите вы.

Дело в том, что сознание моей частичной беспомощности и неопытности – это как бальзам на душу Кряжимского. Все мы грешны, грешен и он. Очень ему нравится, когда я лишний раз даю ему понять, что я без него как без рук, что он незаменим, и не будь его, еженедельник перестал бы существовать. Не то чтобы он жаждал помыкать мной или постоянно стремился поставить под вопрос мою самостоятельность, но очень переживал, когда я как бы напоминала ему о его должности и обязанностях, о его заместительстве. Все это выглядело так, словно он хотел узурпировать мои права, а я с высокой трибуны отстаивала их. Вот это и было для него неприятней всего.

Только на этот раз я не угадала: Кряжимский не стал мне ничего выговаривать, он просто обиделся или сделал вид, что обиделся.

– Поступай как знаешь, – сказал он и отвернулся.

Я не стала его успокаивать: придет время – разберемся.

Оставив Кряжимского в кабинете, я оделась и вышла на улицу. Приближения праздника по лицам прохожих и по состоянию города не чувствовалось.

Я вспомнила время, когда атмосфера этого праздника начинала ощущаться за несколько дней до его наступления. Конечно, я тогда была совсем маленькой, но точно помню суетливость и деловитость людей, шныряние их по магазинам в поисках необходимых продуктов для праздничного стола, украшенные улицы и дома...

Здание, где располагалась администрация «Чайной розы», находилось, как и любое другое уважающее себя заведение, недалеко от центра. Улица Казачья, носившая в застойные времена довольно странное название – улица Двадцать лет ВЛКСМ, в основном была застроена

купеческими домами начала века, которые после реконструкции служили офисами богатым фирмам и компаниям. В одном из таких домов – двухэтажном особняке со стенами толщиной в метр – разместилось совместное предприятие «Чайная роза». На входе, перед массивной дубовой дверью, мерз охранник. Поинтересовавшись, к кому я направляюсь, он посмотрел мое служебное удостоверение и объяснил, как найти кабинет Кирсанова.

Внутренняя часть здания, начиная с вестибюля, была отделана по европейским стандартам и выдержана в пастельных тонах. Я поднялась на второй этаж по широкой лестнице, покрытой ковровой дорожкой, повернула налево и остановилась перед дверью с табличкой: «Кирсанов Валерий Владиславович. Коммерческий директор». Стукнув пару раз в дверь, я открыла ее.

– Разрешите?

– Входите, – неуверенно произнес Валерий Владиславович, поднимая голову от стола.

Видимо, не ожидал так скоро опять увидеть меня.

Нацепив на лицо виноватую улыбку, я неторопливо прошла мимо стеклянных стеллажей, уставленных продукцией фирмы, и опустилась в кресло для посетителей. На Кирсанове был отличный коричневый в тонкую полоску костюм, его владелец явно заботился о своем внешнем виде. Впрочем, он являлся, можно сказать, лицом фирмы, так как директриса не жаловала своим вниманием корреспондентов.

Немного придя в себя за время, пока я шла до его стола, Кирсанов достал из пачки «Парламента» сигарету и прикурил ее, откинувшись на спинку кресла.

– Чем могу служить? – спросил он не слишком любезно.

Я, в свою очередь, достала свой любимый «Винстон» и молча зажала сигарету губами. Дождавшись, когда он наклонится ко мне и поднесет свою позолоченную зажигалку «Зиппо», я посмотрела ему в глаза.

– Хочу извиниться перед вами, Валерий Владиславович, – произнесла я, выпустив дым. – Я была не слишком любезна и, надо сказать, без всяких на то причин. Как вы верно подметили, – добавила я, – я еще слишком молода. Но, чтобы вы меня правильно поняли, не считаю это оправданием своей резкости.

– Кажется, неплохо, – подумала я, закончив свою тираду. – Если я все правильно рассчитала, он сейчас должен тоже заняться самобичеванием, а там и до взаимопонимания недалеко».

– Ну что вы, – его холодные серые глаза несколько оттаяли, как я и ожидала, – я тоже немного погорячился.

– Чтобы окончательно загладить свою вину, – произнесла я, широко улыбнувшись, – я предлагаю вам разместить рекламу в «Свидетеле» на ваших условиях. Что вы на это скажете?

– Это было бы великолепно, – на его губах заиграла улыбка. – Только...

– Вы что, сомневаетесь, в моих словах? – шутливо нахмурилась я.

– Нет, что вы, – воскликнул Кирсанов. – Только я должен вам сначала кое-что объяснить. Наша компания выпускает новую линию женской косметики – комплекс кремов по уходу за кожей лица, и мы хотели бы дать не маленькое объявление, а рекламу на целую страницу в течение месяца. Не будет ли для вас это слишком разорительно? – Нет, – ответила я, не моргнув глазом. – Больше того, я готова разместить вашу рекламу бесплатно, – и добавила, выпуская тонкую струйку дыма: – Если вы окажете мне небольшую услугу.

– Буду рад, – с готовностью ответил Валерий Владиславович, но в его глазах появилась настороженность.

– Ловлю вас на слове, – улыбнулась я. – Значит, вы выполните мою просьбу?

– Если это будет в моих силах.

– Хорошо. – Я сделала небольшую паузу и стряхнула пепел с сигареты. – Я знаю, что вы завтра приглашены к своей начальнице...

– Да, – кивнул Кирсанов, – это будет небольшая вечеринка, только я не совсем понимаю...

– Возьмите меня с собой, – выпалила я и уставилась на него невинными глазами.

– Это невозможно, – с поспешностью ответил он, но я поняла, что попаду на эту чертову вечеринку.

Ни от чего люди не отказываются так быстро, как от категорических решений.

– Почему? – наивно спросила я с обидой в голосе. – Вы идете не один?

– Аврора Кондратьевна на дух не переносит журналистов.

– Это единственная причина, по которой вы не можете выполнить свое обещание?

– Да, – Кирсанов кивнул и глубоко затаился.

– Тогда ее легко обойти, – с энтузиазмом сказала я.

– Вы хотите сказать, что смените профессию? – скептически усмехнулся он.

– Нет, – я покачала головой, – есть другой, более простой выход.

– И какой же? – Он действительно заинтересовался.

– Просто вы не скажете Авроре Кондратьевне, что я работаю в газете, – выдала я.

– Вы не представляете, что будет, когда она узнает, что я ее обманул, – он вытаращил на меня глаза. – Она уволит меня. Вы что, этого хотите?

– Только не нужно утрировать, – спокойно произнесла я. – Я не собираюсь подставлять вас и брать интервью или делать фотосъемку без согласия Авроры Кондратьевны. Ну, не любит она журналистов, и ладно. Скажите ей, что я работаю, например... – я задумалась, – ...например, фотографом в модельном агентстве. К фотографам она относится лояльно?

– Если они не работают в прессе.

– Замечательно. Значит, решено? – подвела я итог. – Вы берете меня на вечеринку, а я в четырех номерах даю вам полосу для рекламы совершенно бесплатно.

– И как я вас представлю? – растерянно спросил Кирсанов.

– Как свою новую подружку, – весело ответила я. – Только нам нужно будет немного порепетировать. Мы должны обращаться друг к другу на «ты». Не можете же вы подружку называть Ольгой Юрьевной. Согласны?

Кирсанов кивнул, но в его серых глазах по-прежнему таилось сомнение.

– Тогда приступаем прямо сейчас. Идет?

– Ну, я не знаю, – пожал он плечами и, не скрывая обычного мужского любопытства, посмотрел на меня.

– Значит так, Валера, – взяла я быка за рога, – чтобы ты быстрее адаптировался, так сказать, лучше вжился в роль, я приглашаю тебя в кафе, чтобы пообщаться в неформальной обстановке. Естественно, за мой счет.

– Да дело не в деньгах... – с досадой произнес он и замаялся.

– Конечно, не в деньгах, – сказала я. – А кто говорит, что в деньгах? Если не хочешь в кафе – пойдем в ресторан. У тебя во сколько перерыв? В час? Значит, договорились, я жду тебя... Валера, – я пристально посмотрела на него, – где у нас есть приличный ресторан поблизости?

– Может быть, «Конек-горбунок»? – несмело предложил Кирсанов.

– Отлично, – широко улыбнувшись, я поднялась с кресла, – «Конек-горбунок» – это то, что нужно. В час я тебя жду в ресторане. Постарайся не опаздывать. Хорошо?

Не давая ему времени опомниться, я решительно прошла через кабинет и вышла в коридор. Спускаясь по лестнице, я и так и эдак прикидывала шансы. По-любому выходило, что Кирсанов должен прийти, или я не разбираюсь в людях. А если уж он придет, то это почти стопроцентная гарантия, что я буду завтра на вечеринке у Авдеевой. Буду ли я там снимать или нет и удастся ли мне взять интервью у Авроры Кондратьевны – такими вопросами я пока

не задавалась. Каждому овощу – свое время, как говорится. Знала я одно – у меня есть шанс, и я должна его использовать.

Глава 2

Я неплохо провела время в ресторане, а главное – с пользой. Насколько это возможно, ближе познакомилась с Валерием. Не то, чтобы он уж так со мной разоткровенничался, но все же я узнала кое-что о его личной жизни. После развода со своей, как он выразился, первой и последней женой, Валерий жил один и довольствовался короткими, ни к чему не обязывающими романами, впрочем, заводил он их не так уж и часто. Все его время было отдано работе, к которой он проявлял не просто профессиональный интерес и вкус, а прямо-таки страсть. У меня сложилось впечатление, что холодность и замкнутость Валерия – это просто ширма, позволяющая ему накапливать энергию, которую он тратит на работу. Весь его чопорный флегматизм, его неспешные продуманные движения и жесты, граничащая с сонливостью невозмутимость, спокойная манера говорить, полное равнодушие к риторике, легкая усмешка, то и дело появляющаяся на его бледном лице, служат аккумуляции моральных и физических сил, дабы применить их на благо косметической промышленности.

Мы говорили с ним на разные темы, и, кроме всего прочего, речь зашла о женщинах. Я инстинктивно почувствовала, что бессознательно Валерий тянулся к эмансипированным, уверенным в себе, умным, может быть, немного жестким женщинам вроде меня. Слабые, слишком женственные, узко ориентированные на потребительство от богатого друга или семью особы выступали в качестве суррогата. Выбор именно таких женщин диктовался некоторой трусоватостью Валерия, его схематичным представлением о сильной части человечества как об этих неустанных конквистадорах, призванных покорять женские сердца. Любая ошибка, промах или незадача рассматриваются в рамках этого представления как настоящий провал, провоцируя затяжную депрессию. И вот, чтобы оградить себя от этой пугающей возможности срыва и подавленности, такие «супермужчины» заводят интрижки с тихими, робкими «домохозяйками» и прочими милыми овечками.

Я только слегка коснулась этой темы, говоря, естественно, о таких мужчинах в безобидно-абстрактном третьем лице. Но Валерий, похоже, понял, кого я имею в виду, потому что в его серых глазах появилось знакомое мне враждебное напряжение. Я перевела разговор на более общие темы, потом стала рассказывать о себе, как приехала, училась, как работала фотографом, как жила первые два года в Тарасове и так далее.

Потом я решила прозондировать почву относительно «Чайной розы» и госпожи Авдеевой. Как она начинала, как добилась таких успехов, как вышла на французов, какая она в жизни и на работе. Валерий говорил неохотно, но тем не менее рассказал мне, что Авдеева поначалу была простым «челноком», потом, благодаря своим крепнущим связям в администрации, решила организовать предприятие наподобие «Уральских самоцветов». Ее серьезно волновала проблема сохранения молодости, не прибегая к лифтингу и лазерной шлифовке лица. Дальше Валерий незаметно для себя начал распространяться о продукции «Чайной розы», используя рекламные клише. Тем не менее говорил он с таким подъемом, с таким энтузиазмом и знанием дела, что я прониклась верой в «природное чудо» кремов, выпускаемых «Чайной розой».

Его льдисто-серые глаза загорелись восторгом. Он смотрел на меня с выражением признательности – я была внимательной слушательницей. Да, для настоящего предпринимателя его бизнес – это бог, которому он остается верен, общаясь даже за пределами офиса. Я представила, как Валерий читает аналогичную лекцию одной из своих «милых овечек», как убеждает ее покупать продукцию «Чайной розы», ведь только кремы, бальзамы и скрабы этой фирмы могут обеспечить неувядающую молодость лица и тела, только их каждодневное применение заставит его сидеть у ее ног, благоухающих и смягченных специальным кремом от «Чайной розы».

Я все-таки опять попыталась закинуть удочку насчет личных качеств и жизни Авдеевой. В первую минуту Валерий, толком не отошедшей еще от своей любимой темы, бросил на меня непонимающий взгляд, говорящий как бы о кощунственной несвоевременности моего вопроса, потом он вежливо, но решительно попросил меня оставить госпожу Авдееву в покое. Да, она властная, коварная, надменная, взбалмошная, иногда нестерпимо капризная особа, но не наше, как сказал он, дело привлекать ее к моральному суду. Она заслужила право быть такой.

Я ответила, что вообще не злоупотребляю моральными оценками в отношении кого-либо, тем более людей мне не особо знакомых, а уж привлекать к моральному суду... – «да у меня такого и в мыслях не было!». Это замечание немного успокоило Валерия, он даже поделился со мной информацией о том, что Аврора Кондратьевна берет себе в любовники исключительно молодых людей. Основное требование – смазливая внешность и сыновняя преданность. Я хотела было пошутить, что ее забота о молодости нашла в лице этих красивых мальчиков своеобразное некремовое и невитаминное выражение, но удержалась. Ирония порой подобна острому лезвию, неизвестно, как прореагирует на нее твой собеседник.

В итоге, обменявшись понимающими улыбками и обещанием встретиться завтра у консерватории в половине шестого, мы расстались. Счастливая, что моя затея с посещением вечеринки на своем первом этапе удалась, остаток дня я посвятила газетным делам, «примирению» с Кряжским, которого я ввела в курс моего разговора с Валерием.

* * *

Ровно в половине шестого я явилась к главному входу в консерваторию. Снег перестал, но с самого утра начало подмораживать. Тротуары покрылись тонкой белой коркой, с которой при помощи скребков отчаянно боролись бригады дворников, как-то вдруг неожиданно проснувшихся и приступивших к тяжелой трудотерапии. Проспект кишел людьми. Одни возвращались с работы, другие беззаботно фланировали туда-сюда, третьи бегали по магазинам. Кафе под открытым небом давно были закрыты. На Немецкой стало просторно и неуютно. Словно из роскошно некогда обставленной гостиной, где звучал рояль и собирались гости, революционеры вывезли дорогую старинную мебель или пустили ее на растопку камина.

Энтузиазм, испытанный мной вчера после разговора с Валерием, немного поутих, частично уступив место волнению и беспокойству относительно того, как пройдет наша встреча на этот раз и сумею ли я воспользоваться этой вечеринкой, дабы стяжать «Свидетелю» славу крутой газеты.

Волнение это уже дало о себе знать в момент сборов. Я металась по спальне, примеряя то один, то другой туалет и не зная, что выбрать. То особое значение, которое я придавала этой вечеринке, заставляло меня рассматривать свой наряд едва ли не как боевые доспехи. Лихорадка выбора не замедлила сказаться на моем настроении, окрасив его в тревожно-досадные тона. В общем, вся эта затеянная мной кутерьма основательно меня взбесила. Я даже подумывала, не закрыть ли мне глаза и, как говорится, слепым методом выбрать себе туалет на вечер?

Наконец я остановилась на забавном «металлическом» платье на тонких ляпочках. Я надела его и подошла к зеркалу. Не слишком ли вызывающе? Тем меньше я буду похожа на обремененную благородно-меркантильной задачей папарацци. «Так, – решила я, – никаких украшений, только плоский серебряный браслет». Я надела серые, с серебристым отливом ботинки, пальто из серой норки и... понравилась сама себе. Положила заряженный «Никон» в объемную модную сумку и заказала такси.

Валерий ждал меня под козырьком консерватории. Мой вечерний макияж и роскошное пальто сразу приковали его восхищенный взор. Мы поздоровались, потом я взяла его под руку,

и мы направились к его темно-зеленому «Ауди». Я специально оставила свою «Ладу» дома – любовники должны приезжать на прием в одном автомобиле.

– Ты необыкновенно хороша, – сделал он мне комплимент, едва мы заняли места в его авто.

– Стараюсь тебя не подвести, – пошутила я.

«Настоящий сюрприз ждет тебя, – мысленно обратилась я к Валерию, – когда я сниму свою норку, и ты увидишь мое платье».

– Я действительно надеюсь, что ты меня не подведешь, – доверительным тоном произнес Валерий.

Не поворачиваясь ко мне, он накрыл мою лежащую на коленях руку своей. Я не стала отдергивать руку, создавать нелепый ажиотаж и поняла, что Валерий благодарен мне за это.

– И все-таки мне хотелось бы проинструктировать тебя на всякий случай, – осторожно начал Валерий капать мне на мозги, – как лучше вести себя с Авдеевой.

– И как же? – с задорной беззаботностью избалованной девочки, которую везут к строгой бабушке, спросила я.

– Как можно скромнее. Не умничать, не иронизировать – это привилегии Авроры Кондратьевны.

– Она купила не только линию производства хорошей косметики, но и все права на остроумие? – немного резко пошутила я.

– Считай, что так, – посмотрел на меня Валерий, который вошел в роль толкователя жизни и правил хорошего тона для покладистой, трепетно ему внимающей неофитки, – Аврора Кондратьевна внимательно исследует, если можно так выразиться, незнакомого ей человека, приглядывается, задает порой провокационные, нескромные вопросы... Считай, что пунктик у нее такой... Понимаешь, когда тете под пятьдесят, а рядом двадцатилетний мальчик, подмечаящую каждую морщинку на ее лице, поневоле станешь корчить из себя если не вечную Афродиту, то Афины – точно. Лишь бы возвыситься в глазах очередного альфонса. Кстати, ее новому мальчику аж целых двадцать пять, и он возглавляет у нас отдел рекламы.

– Не предполагала, что менеджер косметической фирмы разбирается в греческой мифологии, – улыбнулась я, уже трижды пожалев о том, что нацепила такое «нескромное» платье. Как-то оценит его Аврора Кондратьевна?

– Все мы учились понемногу... – улыбнулся Валерий.

– Неплохая карьера для двадцатипятилетнего парня – возглавлять отдел рекламы в такой солидной фирме, – мечтательно сказала я, – но ему не позавидуешь.

– Он производит впечатление довольного жизнью человека, – без особой убежденности возразил мне Валерий, – но у него масса поводов быть уволенным.

– Что ты имеешь в виду?

– Не что, а кого, – поправил меня Валерий и с лукавой улыбкой произнес: – Женщин.

– Ты это знаешь на сто процентов? – решила уточнить я.

– На двести, – лаконично ответил Валерий и остановил машину перед недавно выстроенным шикарным двухэтажным особняком, – приехали.

– Я уже поняла.

Ворота особняка были закрыты. Массивный кирпичный забор позволял видеть только второй этаж строения.

– Я хотел кое-что уточнить... – застенчиво улыбнулся Валерий и как-то виновато посмотрел на меня.

– Что?

– Не захочешь ли ты продолжить нашу игру вне рамок сегодняшней вечеринки?

– Это принимать как предложение переспать? – резко сказала я.

Мне нравится порой ошарашивать осторожничающих, но явно чего-то добивающихся от тебя мужчин подобным образом. И я уверена, что такие искренность и смелость хоть поначалу и смущают, а может, даже неприятно поражают их, но и разжигают. К тому же ясно даешь понять, что ты не какая-то там сентиментальная глупышка, начитавшаяся любовных романов, а женщина, равная им в праве четко формулировать свою мысль и не бояться выглядеть открытой и лишенной рыхлой романтики блеющих сексапильных овечек.

Лицо Валерия передернуло нервная судорога. Что это он, не ожидал?

– Может, ты спросил об этом, так сказать, из подстраховки? Выбирая тактику поведения на вечеринке? Если я чем-то не устрою мадам Авдееву и она сочтет необходимым от меня освободиться, твое одобрение или сопротивление такому ее желанию будет зависеть от моего обещания переспать с тобой? – Я произносила эту тираду с невозмутимым выражением лица. – Иначе для чего ты меня спросил об этом именно сейчас, а не предоставил событиям развиваться своим чередом? – решила я его добить.

– Прости, – пошел он на попятную, – я не так выразился... – он бросил на меня полный раскаяния взгляд, но меня уже понесло.

– Ни за что не поверю, что типы вроде тебя не просчитывают все заранее. Ты не похож на человека, идущего на поводу произвольных эмоций.

– Тогда какого черта ты со мной связалась? Только для того, чтобы проникнуть на эту вечеринку, которую я уже сейчас начинаю проклинать? – возмутился он.

– Постой. У нас с тобой, кажется, был договор: ты мне – вечеринку, я тебе – бесплатную рекламу во всю страницу. Так?

– Так, – без энтузиазма подтвердил Валерий, – но неужели ты думаешь, что я стал бы так рисковать, если бы...

– Если бы не надеялся переспать со мной? – Я в упор посмотрела на него. – Я и не предполагала, что это является, так сказать, скрытым дополнительным условием...

Мы уже битых десять минут сидели в машине перед особняком, не ведая, куда нас приведет эта неожиданная размолвка.

Валерий спокойно выдержал мой долгий пристальный взгляд, которым я хотела достать до дна его души, и с неловкой улыбкой произнес:

– Нас ждут. Если хочешь, пошли. Но прошу, там, – он кивнул на особняк, – без сцен!

– Ты сам спровоцировал этот разговор, неприятный для нас обоих, – более миролюбивым тоном произнесла я, снимая с плеча ремень безопасности.

Валерий нажал на клаксон. Ворота как по мановению волшебной палочки открылись.

Глава 3

Мы въехали в просторный двор, где уже стояла одна машина – голубой «Фольксваген». Ворота за нами автоматически закрылись. Валерий вышел из машины, обошел ее спереди и галантно открыл мне дверцу. Я поблагодарила его милой улыбкой и направилась к дому.

– И прошу тебя, – шепнул мне Кирсанов, – я не знаю ничего о твоей профессии.

– Не беспокойся, – кивнула я, – я не собираюсь тебя компрометировать. Как мы договорились – я работаю фотографом в модельном агентстве.

Дверь нам открыл молодой человек в темных брюках и кремовой сорочке в тонкую полоску, верхняя пуговица которой была расстегнута. Узел ярко-оранжевого галстука ослаблен. Он был темноволос, худощав и, можно было бы сказать, красив, если бы не его бегающий взгляд и слишком полные губы.

– Проходите. – Он пожал руку Валерию и с нескрываемым любопытством посмотрел на меня.

– Это Оля, – представил меня Валерий, когда мы разделись.

– Антон, – фальцетом произнес молодой человек и застыл, увидев меня без шубы.

Не знаю, сколько бы продолжалась эта немая сцена, если бы в холл не вышла хозяйка, Аврора Кондратьевна.

– Добрый вечер, Аврора Кондратьевна, – Валера сразу же шагнул к ней.

Пока они перебрасывались обычными в таких случаях фразами, я постаралась получше разглядеть ее. Это была высокая статная дама с гордой посадкой головы и пренебрежительно поджатыми губами. Она смотрела свысока, но в глубине ее глаз скрывался то ли испуг, то ли настороженность. Светлые, слегка рыжеватые волосы открывали высокий умный лоб и легкими волнами, над которыми потрудился мастер, спадали почти до плеч. Одета она была в темно-розовое обтягивающее платье с отделкой из черного кружева, ее плечи покрывал шарф из черного шифона.

– Антоша, – обратилась она к своему мальчику, – что же ты не приглашаешь гостей?

Потом она перевела свой взгляд на меня.

– Валера, – коснулась она локтя Кирсанова, – это твоя девушка?

– Познакомьтесь, – торопливо произнес Кирсанов, – Ольга – Аврора Кондратьевна.

Не знаю уж, чем я ей понравилась, но ее взгляд был довольно снисходительным и даже то, что ее дружок старательно отводил от меня глаза, не разозлило ее.

– Наконец-то ты нашел себе достойную пару, – похвалила она выбор Валерия и улыбнулась кончиками губ. – А Антон вас уже давно заметил, правда, Антоша? Интересно, что вы обсуждали? – Она хитро посмотрела на Кирсанова.

Он открыл было рот, но, видимо, не нашел, что ответить, и я пришла ему на помощь:

– Я предлагала Валере пойти одному.

– Это еще почему? – Тонкие изломанные брови Авроры Кондратьевны удивленно взлетели.

– У вас здесь такое избранное общество, – сказала я, сделав невинное лицо, – а я никого не знаю.

– Ну что вы, Оля, – она по-матерински, одновременно нежно и строго посмотрела на меня, – Валера же предупредил меня по телефону, что придет с подругой, и я ему сказала, что буду рада вас видеть.

Вот так все удачно началось. Аврора Кондратьевна показалась мне вполне общительной женщиной. Не без пунктиков, конечно, а у кого их нет, если разобраться? Широким коридором мы прошли в гостиную, в центре которой был накрыт стол на шесть персон, уставленный закусками и вазами с фруктами.

– Неужели вы все это сами? – искренне удивилась я.

– Ну что вы, Оля, – Авдеева гордо подняла голову, – у меня совершенно нет на это времени. Все, что вы здесь видите, приготовлено очень хорошим поваром. Надеюсь, вам понравится. А где же Галина с Григорием? – Она посмотрела на Антона. – Пора садиться за стол.

– Курят, наверное, – Антон направился к двери, – сейчас я посмотрю.

– С Галей я познакомилась в прошлом году на Средиземном море, – произнесла Аврора Кондратьевна, – мы вместе отдыхали. Это замечательная женщина: открытая, умная и жизнерадостная. Да вы и сами сейчас убедитесь в этом. Она пришла с мужем.

Вскоре вернулся Антон в сопровождении девушки примерно моего возраста с длинными черными волосами. У нее был итальянский тип лица: огромные карие глаза, большой чувственный рот с крупными белыми зубами и какая-то детская открытая улыбка, немного не вязавшаяся с грустью в глубине глаз. Красного цвета брючный костюм был очень ей к лицу: жакет на одной пуговице, надетый на голое тело, подчеркивал изящную стройность ее длинной шеи.

Следом за Антоном и Галиной вошел молодой человек с орлиным носом и русыми волосами, зачесанными назад. На нем были черные брюки и черный джемпер под горло, на котором ходил огромный кадык.

– Наконец-то все в сборе, – облегченно вздохнула Авдеева.

Она представила чету Береговских – Галину и Григория, – и все уселись за стол.

Сперва было довольно скучно, мне показалось, что я попала на поминки к какому-нибудь знаменитому ученому, всю свою жизнь посвятившему изучению процесса пищеварения членистоногих, но после второй рюмки народ начал понемногу расслабляться. Валера, сидевший рядом со мной, снял пиджак, потому что в гостиной было натоплено сверх всякой меры, и я только порадовалась, что на мне открытое платье.

Мы сидели на дубовых стульях с мягкими светлыми подушками, стол был накрыт ослепительно белой скатертью, спускавшейся до самого пола, да и вся комната была выдержана в светлых тонах. Кремовые обои без рисунка на стенах, на полу – светло-бежевый ковер с длинным ворсом, журнальный столик со столешницей из белого мрамора, на котором стоял бронзовый подсвечник с тремя восковыми свечами: все это немного навевало тоску, если бы не яркий свет люстры, игравший на столовом серебре и придававший живость всему происходящему.

После двух тостов – за прекрасную хозяйку, который произнес Григорий, и за ее организаторские способности, как умело подчеркнул Валера, мужчины вышли покурить. К ним присоединилась и Галина, а я, хотя тоже была не прочь подышать, осталась наедине с Авдеевой.

– Вы действительно занимаетесь, как сказал мне Валера, фотографией? – К моему удивлению, она сама затронула интересующую меня тему.

– Да, – кивнула я, – и говорят, у меня это неплохо получается.

Я не стала скромничать – в домах, подобных этому, скромность не считается достоинством.

– Судя по тому, как вы одеты, – продолжила Аврора Кондратьевна, – ваш труд неплохо оплачивается.

Я неопределенно пожала плечами.

– На собственный дом средств у меня нет, – улыбнулась я.

– Ну, вы еще так молоды, – задумчиво произнесла Авдеева, – у вас все впереди.

Я размышляла, не пора ли мне спросить разрешения поснимать в ее доме, но пришла к выводу, что, пожалуй, следует немного подождать.

– Жизнь бежит так быстро, – заметила я, – не успеешь глазом моргнуть, а лучшие дни позади.

– Да вы философ, Оля, – она удивленно посмотрела на меня. – По-моему, вы многого сумеете добиться.

– Я постараюсь, конечно, – с сомнением в голосе сказала я, – но... В общем, проживем – увидим.

В гостиную ввалилась шумная компания, продолжавшая что-то весело обсуждать. Григорий нес в руках свой джемпер, и на нем теперь была только черная майка с короткими рукавами. Пока я разговаривала с Авророй Кондратьевной, прислуга, приглашенная, видимо, из того же ресторана, что и повар, сменила приборы. На столе появился огромный, лоснящийся жиром гусь с румяной корочкой.

– Вот это да! – восхитилась Галина, увидев гуся. – Это целый поросенок.

– Это всего лишь гусь, друзья, – со слащавой улыбкой произнесла хозяйка, – сейчас Вячеслав нам его разрежет.

Что это еще за Вячеслав? – удивилась было я, но тут откуда-то появился человек лет тридцати с тонкой полоской усиков и в белом фартуке, и я поняла, что Авдеева имела в виду повара. Я представила себе, как он будет сейчас бороться с этим гусем, отделяя крылья, ножки, грудку, но все оказалось гораздо проще.

Вячеслав, ловко помогая себе вилок, просто отрезал от золотистой тушки шесть больших плоских ломтиков и удалился. Вилку и блестящий нож с костяной резной рукояткой он оставил на подносе.

– Если я больше вам не нужен, – шепнул он Авдеевой, – я пойду.

– Спасибо, Слава, – поблагодарила его Аврора Кондратьевна, и все принялись за гуся.

Антон открыл уже третью бутылку шампанского и, если учесть, что я почти не пила, а мужчины предпочитали более крепкие напитки, то можно себе представить, что народ был, мягко говоря, несколько возбужден. Следующий тост был произнесен хозяйкой дома, и если мне не изменяет память, он звучал примерно так: «За солнце и море, за травы и деревья, за молодость и красоту». Тост был принят на «ура», и даже мне пришлось выпить почти полбокала шампанского, чтобы не обидеть Аврору Кондратьевну.

После этого все стало гораздо проще. И мужчины, и Галя, и я, и даже Авдеева ходили в соседнюю комнату, в которой горел камин, курить, поодиночке и группами. Я старалась быть поближе к хозяйке и, выбрав момент, когда мы с ней были наедине, спросила:

– Аврора Кондратьевна, боюсь вас обидеть, но все же не могу у вас не спросить.

– Да? – Она подняла на меня удивленные, но веселые глаза.

– Не могу ли я немного здесь поснимать. Мне так понравился ваш дом.

– Только с одним условием, – строго сказала она, – если вы предоставите мне полный отчет о проделанной работе.

И она весело рассмеялась, увидев мое озадаченное лицо. Все оказалось на удивление просто.

– Конечно, я все вам покажу, – пообещала я и почти бегом бросилась в холл, где оставила сумку с «Никоном».

Когда я вернулась в гостиную, веселье было в разгаре. Кто-то включил музыку, и гости выделяли такие кренделя, что я тут же приступила к съемкам. Валера попытался было меня пригласить на танец, но мне было не до этого. «Пощелкав» гостей, не забыв при этом и хозяйку, я с ее разрешения прошлась по дому, фотографируя каждую комнату.

Меня мучила только одна мысль: признаваться ли Авдеевой в том, кто я на самом деле? Вернее, даже не это – чем я занимаюсь, она наверняка рано или поздно узнает. Я стояла перед дилеммой: сказать ей, зачем я здесь, рискуя потерять сделанные кадры, или ничего не говорить и опубликовать фотографии в «Свидетеле» без ее разрешения, тем самым подставив Кирсанова. Выбрала же я третий вариант, который осенил меня, пока я ломала голову над предыдущими: во время съемок попытаюсь выяснить у Авдеевой, почему она не общается с прессой, и, может быть, мне удастся все же выпросить у нее эксклюзивное интервью. Это было бы самым лучшим.

С этими мыслями я открыла дверь в гостиную и... ничего не увидела. В комнате громко играла музыка, были слышны голоса, но свет был погашен. Падающие из коридора лучи выхватывали только небольшое пространство комнаты, в которое изредка попадали темные силуэты движущихся в танце людей. «Это что-то новенькое», – подумала я и стала осторожно пробираться к дивану. На меня несколько раз натыкались, кто-то даже попытался поцеловать, но я увернулась. Наконец музыка стихла, и зажгли бра.

– О, пропащая, – с веселым возбуждением произнес Кирсанов, заметив меня.

Он нетвердым шагом приблизился ко мне.

– Это такая игра, – пьяно улыбаясь, сказал он, – все сидят по разным углам, потом гасят свет и начинают искать друг друга.

– И кто же выигрывает? – с усмешкой спросила я.

– Кто кого найдет, тот и выигрывает, – не совсем правильно выговаривая слова, сказал он, – присоединяйся.

– Олечка, присоединяйся, – услышала я грудной голос Авроры Кондратьевны, стоявшей рядом с Антоном, – это очень весело. Давайте сначала выпьем, – добавила она и направилась к столу, который был задвинут в дальний угол комнаты.

– Мне шампанского, – игриво сказала Галя, пытаясь разыскать на столе свой бокал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.